

западные неандертальцы. «человек из Эрингсдорфа» и отчасти «человек из Штейнгейма», обнаруживающие некоторые черты сходства с современными расами Европы». Автор подвергает подробной критике взгляды одного из наиболее убежденных полицентристов Ф. Вейденрейха, но одновременно приводит и ряд возражений против широко распространенных взглядов моноцентризма в узком смысле слова. Автор защищает положение, что процесс формирования *Homo Sapiens* протекал на одной, но обширной территории, и высказывает предположение, что в той зоне, где протекал этот процесс, имело место интенсивное смешение становящихся новых форм между собой, а частично и с более древними вариантами. По мнению диссертанта, не все древнейшие и древние коллективы палеоантропа приняли одинаковое участие в формировании современного человека, что было связано с неравномерностью исторического развития разных групп. Не менее важное место в диссертации, наряду с проблемой о месте и времени происхождения *Homo Sapiens* (по последнему вопросу особо ценно исследование, посвященное Сванскомской находке), занимает проблема факторов происхождения современного человека. Здесь автор подробно аргументирует свои взгляды о том, что в основе этого процесса лежало приобретение нашим предком таких свойств, которые делали возможным его более высоко развитое социальное поведение, в частности, более дифференцированную членораздельную речь. Последний тезис автора гласит о том, что «единство ныне живущего человечества покоится не только на основе общих закономерностей общественного развития, но и на кровном родстве всех составляющих его рас».

Оппонентами по диссертации выступили: доктор биологических наук М. А. Гремяцкий, доктор биологических наук А. А. Парамонов и доктор исторических наук С. П. Толстов. Все оппоненты дали очень высокую оценку диссертации и отметили ее большое теоретическое значение. Основные положения автора не встретили возражений, и замечания оппонентов носили в основном частный характер. М. А. Гремяцкий подробно остановился на той части диссертации, где автор рассматривает место человека из пещеры Киик-Коба в генеалогии современных людей, и высказал мнение, что Бонч-Осмоловский недооценил пережитки древесной стадии в строении стопы киик-кобинца. А. А. Парамонов указал на желательность еще более широкого использования археологического материала для разрешения проблемы моно- и полицентризма. С. П. Толстов более подробно разобрал положения автора в свете археологических и этнографических материалов. Он выразил мнение, что область становления современного человека была еще более широкой, чем та, которую наметил диссертант, но вместе с тем признал, что выводы автора об отсутствии прямой преемственной связи между ныне живущими расами и локальными типами древних гоминид могут считаться полностью доказанными. Ученый Совет Факультета единогласно присудил диссертанту искомую степень.

М. Левин

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ НАРОДНОГО БЫТА ЛАТВИЙСКОЙ ССР (БРИВДАБАС МУЗЕЙС)

В 12 км от г. Риги, по Псковскому шоссе, на берегу озера Югла расположен Бривдабас Музейс — латышский этнографический музей на открытом воздухе, по образцу известных скандинавских музеев: норвежского Фолькемусеума в г. Осло или шведского Скансена в г. Стокгольме.

Территория Бривдабас музея представляет холмистую местность, поросшую хвойным лесом, с многочисленными полянками и ложбинками. Здесь, на этих полянках, среди сосен и елей, расположено 37 деревянных строений XVI — XIX вв., привезенных из различных районов Латвийской ССР — из Курземе и Видземе, из Земгалии и Латгалии. Среди строений есть церкви, жилые дома, риги, скотные дворы, бани, мельницы, клетки, амбары и пр. Все они снабжены соответствующим инвентарем, мебелью, утварью, кухонной посудой, воспроизводящими тот материальный быт, который был привычен проживавшим в этих строениях обитателям. Музей обладает также достаточными фондами соответствующей народной одежды, чтобы в теплые летние дни — когда бывает особенно велик приток посетителей — одевать в эту одежду обслуживающий персонал (как это делается и в скандинавских музеях). Правда, в отличие от норвежских и шведских музеев в остальные дни национальная одежда лежит в хранилище, а не вывешена в экспозиционных помещениях.

В настоящее время в Музее 2 000 экспонатов, но перед Отечественной войной их было гораздо больше — до 10 000. Во время гитлеровской оккупации на территории Музея был расположен немецкий артиллерийский парк, солдаты и офицеры которого разграбили этнографические фонды, в особенности предметы одеяния и

посуду. Имеющиеся теперь экспонаты (за исключением строений) собраны Музеем заново или получены из Центрального исторического музея Латвийской ССР, из его этнографических фондов.

Датой основания Музея считается 1924 год; первое строение было перенесено на территорию Музея лишь в 1928 г. Инициатором организации музея подобного типа был Латвийский государственный университет, но правительство буржуазной Латвии не проявило заинтересованности в отношении этой «затеи», и только после того, как приток частных пожертвований дал возможность приобрести некоторые строения и перевезти их на территорию Музея, Музей был принят на государственный бюджет и подчинен Комитету по охране памятников архитектуры и искусства. В настоящее время Бривдабас музей состоит в ведении Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров Латвийской ССР.

Идея этнографического музея на открытом воздухе, воспроизводящего в натуре народный материальный быт, необычайно заманчива и открывает громадные, совершенно исключительные возможности воспроизводить правдиво и наиболее осязаемо материальную культуру народа. Правда, и при такой, казалось бы, документальной экспозиции народного быта он может получить искаженное отражение, если экспонаты подобраны тенденциозно; такой опасности нельзя отрицать в любой музейной экспозиции, в том числе и в экспозиции типа Бривдабас музея. Премьер-министр бывшего латвийского плутократического правительства Ульманис прекрасно учел эту возможность и постарался в целях пропаганды кулацких устоев своей экономической политики придать экспозиции Музея соответствующий характер. Он приобрел за государственный счет жилые и подсобные постройки (вместе с их инвентарем) одной кулацкой усадьбы из Земгалии — родины самого Ульманиса — и перенес их на территорию Музея как «типичные» постройки Земгалии. Каменные фундаменты строений, величина их, добротность материала, богатство инвентаря должны были иллюстрировать материальное изобилие и достаток латышского крестьянина, доверившего государственное управление Ульманису. Но такой экспонат мог обмануть не каждого посетителя Музея, ибо в аграрной Латвии того времени взрослые люди прекрасно знали, кто живет в усадьбах такого типа.

Музей в скором времени пополнит свою экспозицию, и тогда рядом с кулацкой усадьбой встанет жилище крестьянина-бедняка той же эпохи. Этнографическая экспозиция в музеях такого типа, как Бривдабас музей, наглядно выявляет классовые различия в быту различных социальных групп населения, и в этом ее громадное достоинство. К 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции научные работники Бривдабас музея подготовили свой подарок: они поставили рядом с усадьбой зажиточного крестьянина из северной части Латвийской ССР — Видземе — баню из помещичьей усадьбы той же местности. В этой бане барон-помещик отвел небольшую комнатку для семьи своего батрака. Контраст между жильем «крепкого» крестьянина и жилищем батрака поистине разителен, причем убогому виду батрацкого жилища соответствует и нищенский инвентарь, характеризующийся почти полным отсутствием мебели, кухонной утвари и приспособлений для хранения продовольственных запасов. Произведенное ныне пополнение музейной экспозиции устраняет имевшееся ранее искажение показа латышского народного быта, но устраняет пока только частично в отношении Видземе. Необходимо продолжить эту работу в отношении других областей Латвийской ССР. Из этого примера можно заключить, насколько экспозиция подобного музея (как, впрочем, и всякого другого этнографического музея) имеет политический характер.

В скандинавских музеях подобного типа имеется многое, что нужно перенять нашим музеям, — в том числе и музеем Бривдабас в Риге. Но этим старейшим в мире музеем вроде норвежского Фолькемусеума и шведского Скансена есть чему поучиться у своего юного латышского собрата. В Фолькемусеуме в Осло наряду с крестьянским жильем (среди которого имеются дворы более и менее зажиточных крестьян) экспонированы дома деревенских пасторов, усадьбы помещиков, церкви, кордегардии (сельские арестные дома) и даже реконструированный уголок квартала средневекового города, но при таком богатстве экспозиции в Музее все же не нашлось места для показа жилья деревенской и городской бедноты. В Скансене в Стокгольме экспонированы исключительно дворы зажиточных и богатых крестьян, помещичьи дома и церкви. Такой однобокий, искажающий действительность показ народного быта основан на псевдонаучной «теории», утверждающей, будто только слой зажиточных крестьян является подлинным хранителем народных традиций в области материальной и духовной культуры. Бривдабас музей своей новой экспозицией разрушает эту лженаучную теорию. Он обнаруживает в жилье бедняков ту же этническую струю, которая придает определенный национальный колорит жилищам зажиточных слоев крестьянского населения. Можно даже утверждать, что в материальном быту богатеев было значительно больше заимствований и подражаний народам-соседям, чем в быту бедняков. Хозяйственная утварь бедноты хранит на себе такое мастерство самобытной и высокохудожественной отделки, какое не часто можно встретить на сделанной несомненными мастерами своего дела утвари, находящейся в домах помещиков. Бривдабас музей пока еще не выявил по-настоящему таких творцов народной культуры, как, например, деревенские кузнецы, столяры, плотники, горшечники, и не показал, как они жили и в каких условиях работали; но он уже обратил внимание на такого демиурга прошлого, как батрака, сельско-

хозяйственного работника, и приоткрыл уголок завесы над их бытом. В этом большая заслуга Музея. Он встал на правильный путь, открывающий перед ним большие перспективы.

Экспозиция Музея начинается показом большой деревенской корчмы, расположенной на перекрестке проезжих дорог. Этот экспонат вывезен из Баусского округа Латвийской ССР. Длинное одноэтажное деревянное строение вмещает помещение для гостей, жилье хозяина, громадные стойла для скота и телег постояльцев, конюшню для лошадей. Такие постоялые дворы типичны для Земгалии и Курземе; в них проезжий крестьянин находил себе приют, проезжая в город; в них праздновал большие свадьбы, справлял поминки; их использовала зажиточная часть крестьян в качестве мужского клуба, а беднота — как кабак, где можно было в wine утопить свое горе. По типу стройки жилая часть корчмы представляет многокамерное, из в своей основе трехраздельное строение с сенями посередине. Центральная часть сеней занята очагом-трубой — циклопическим сооружением, служащим для приготовления пищи, хотя в той же трубе находится и специальная печь для обогрева соседних помещений. Сени имеют два выхода с противоположных сторон так, что, если бы очаг-труба не перегородивали их, они были бы сквозными. Такое расположение помещений — сени-кухня посередине, жилые помещения по бокам — характерно для деревенских строек не только латышей, но и литовцев. Таким образом, корчма повторяет, правда в увеличенном виде, основные принципы летто-литовской деревенской народной стройки. Корчма снабжена соответствующим инвентарем, кухонной утварью и прочими предметами обихода. Уже этот первый экспонат дает яркое представление о характерных особенностях латышской материальной культуры, и Музей совершенно правильно расположил его у входа, с тем чтобы посетитель с осмотра его начал свое ознакомление с экспозицией.

Остальная экспозиция сгруппирована в четыре комплекса соответственно четырем основным этнографическим районам Латвийской ССР: Земгалии, Курземе, Видземе и Латгалии. Правда, такие области, как Курземе и Земгалия, находящиеся на стыке этнических территорий латышей и литовцев или латышей, куров и ливов (в прошлом), не представляют единообразия в отношении своего материального быта; но и Видземе и Латгалии, граничащие с этнической территорией эстонцев на севере и славян на востоке, тоже не монолитны в этническом отношении. Поэтому принятое в Музее деление экспозиции можно признать целесообразным — оно подчеркивает то общее, что существует в материальном быту целых областей, и дает возможность подметить основные различия в этнографии отдельных районов.

Все строения, экспонированные в Музее, — деревянные. Этот недостаток экспозиции объясняется трудностями переноса на новое место кирпичных и каменных строений. Работники Музея, выезжавшие на поиски новых экспонатов, наткнулись недавно на старое деревенское арестное помещение, оригинальное по стройке и значительное по своим функциям в прошлом; однако они отказались от мысли перенести это строение на территорию Музея из-за трудностей транспортирования. В будущем придется, конечно, такие трудности преодолеть.

Центральное место в экспозиции всех четырех комплексов составляет жилой дом. Типы его достаточно разнообразны. Музейная экспозиция в настоящем ее виде дает представление об основных разновидностях жилого крестьянского дома, бытовавшего на территории Латвии с XVI по XIX в. Правда, преобладает дом зажиточного крестьянина и деревенского богача, но имеется несколько домов, в которых проживала деревенская беднота. Так, например, в комплексе латгальских домов находится курная изба батрака. Дымовое отверстие в стене этой избы (размером приблизительно 50×20 см) в точности соответствует размерам единственного окошечка. Выходное отверстие для дыма расположено не выше 1 м от уровня земельного пола, поэтому во время топки печи обитателям приходилось или сидеть на пороге, или лежать на полу, чтобы не задохнуться.

Очень своеобразен дом рыбака-крестьянина из-под Лепая. Это тип дома куров (куршей), распространенный по всему побережью Балтики между Лепаем и Крантом, а также по обоим берегам Куриш-гафа. Его особенностью можно считать, во-первых, специальное приспособление против выветривания: дом-сруб обшит сверху тесом, причем доски нашиты вертикально, а не горизонтально, как обычно нашивается тес. Во-вторых, он сохранил в полной мере основные черты летто-литовского дома — его трехраздельность, сени с двумя входами с противоположных сторон, очаг посередине. Но в отличие от старолитовского дома очаг помещен не на открытом месте, а в громадной 15-метровой трубе, что роднит его с скалолещскими домами, имеющими посередине сеней очаг-трубу. В другом крестьянском доме из Кулдиги (Курземе) в очаге-трубе (примерно таких же циклопических размеров) находятся топки двух печей для обогрева соседних помещений. Сами печи вытянуты метра на два внутрь комнат, образуя невысокие лежанки. Для увеличения площади нагрева в стенки печей вмазаны прекрасно обожженные синие тонкостенные горшки-изразцы, производство которых было локализовано областью Курземе.

Подсобные помещения — риги, амбары, саран, хлевы и пр. — в большинстве районов Латвийской ССР возводятся отдельно от жилых домов, не образуя общего двора. В Видземе подсобные помещения иногда строятся вместе, связанные друг с другом общими стенами и крышей, образуя покоеобразный комплекс. В Латгалии существуют зародыши общего двора, но в нем нет еще той замкнутости, которая

характерна для русского крестьянского двора. Большинство латышских усадеб ограждено легкими изгородями, не имеет заборов, тесаных ворот. Исключение опять-таки составляет Латгалия, в которой внешний вид усадеб напоминает стрейку восточных соседей — русских — наличниками на окнах, тесаными воротами, высоким забором. Переходя из одной усадьбы в другую, посетитель Музея имеет возможность сравнить их друг с другом, т. е. сопоставлять этнографические особенности отдельных районов, подмечать черты общности.

Находящийся в домах инвентарь — мебель, кухонная утварь, предметы обихода, орудия труда и пр. — подобран тщательно и достаточно полно. Если бы застланные обычно грубыми простынями постели в этих домах покрыты одеялами или покрывалами (а в более бедных домах — дерюжкой), получилась бы полная иллюзия обитаемости экспонируемого жилья. Отсутствуют только предметы одевания. В шкафах размещена посуда, часть деревянной посуды стоит на столах, на стенах висят предметы домашнего обихода, около очага — кухонная посуда. На верхнем накате одной из комнат, в чердачном помещении, виден деревянный гроб, приготовленный загодя запасливыми хозяевами, а рядом с ним — кресло для одевания покойников. В одном из домов (из Курземе) имеются игрушки для детей, оригинальное приспособление для обучения детей ходить и другие предметы, связанные с выращиванием потомства. В доме рыбака — инвентарь для ловли рыбы: сети, бредни, трезубцы, гарпуны. В помещениях, приспособленных для хранения молока и приготовления молочных продуктов, — соответствующий производственный инвентарь.

Риги — простые и риги-комбинаты; мельницы — ветряная, ручные, с конным приводом; льнотрепальни; клетки; амбары; конюшни; хлевы; сараи — все сельскохозяйственные постройки, входящие в комплекс крестьянского хозяйства латышей, представлены в этом Музее. Несколько бань. Образцы лодок. Гробы-колоды, надгробия, камни-чаши, камни обрядового назначения (в виде круглых колес с крестом внутри) и многое другое размещено на территории Музея.

На возвышенных местах выделяются своим строгим профилем несколько деревянных церквей. Наиболее интересна церковь «Усмас бажница» из Кулдиги, заложённая в 1705 г. Церковь подвергалась позже некоторому обновлению и перестройке, но внутренность ее сохранилась в первоначальном виде. Резной алтарь работы деревенских мастеров с множеством выточенных из дуба фигур святых, цветов, завитушек; резная, фигурная кафедра, опирающаяся в своем основании на Моисея; ложа барона — рядом с престолом; боковой притвор в сенях — для приведения в порядок сложного туалета невесты перед венчанием; другой притвор — для хранения церковной кладки; ризница — все это наивно и вполне материалистично вырисовывает быт начала XVIII в. Барон в этой церкви — не только хозяин и распорядитель, но и член духовной иерархии: он сидит рядом с престолом, за кафедрой; он входит через ризницу, он отдыхает во время перерывов в богослужении в специальном пасторском помещении за престолом. Прихожане чинно сидят на скамьях в огороженном барьером с двух сторон пространстве. По проходу между этими барьерами проходит служка с длинной тростью-удочкой, на которой прикреплен вышитый мешочек для сбора пожертвований на содержание клира. В некоторых мешочках находится бубенчик — если прихожанин не обратит внимания на протянутый к нему на палке мешочек, служка звонит бубенчиком. Мешочки для сбора пожертвований искусно вышиты прихожанками. В ризнице — оловянные купели для крещения детей; эти купели похожи на плоские блюда, и в них ребенка не утопишь. В более близкое к нам время употреблялись также купели-блюда из обожженной глины, покрытой глазурью.

Перед входом в церковь находится удивительное сооружение, похожее на длинную колоду с тремя парами отверстий в ней. На конце колоды, лежащей на земле, приделан замок, а около поставлены три плоских камня. Это орудие наказания подростков, которые три раза подряд не посетили воскресного богослужения. Их ноги зажимаются колодкой, которая запирается на замок. Дети должны были сидеть в неудобной позе на плоских камнях, с зажатыми ногами, в продолжение богослужения до тех пор, пока весь народ не уйдет из церкви. Кто был инициатором этой пытки — барон или пастор, установить в настоящее время нельзя, но демонстрация экспоната производит на посетителя очень сильное впечатление, рассеивающее ощущение идиллии, навеваемое внутренней обстановкой церкви.

Латышский этнограф Янис Янземец написал хороший каталог экспозиции Музея¹, изданный в 1941 г. С тех пор экспозиция несколько изменилась, поэтому необходимо новое издание. Директор Музея т. Типайнис подготовляет краткий путеводитель по Музею для массового посетителя. Научный штат Музея очень мал: кроме директора и его заместителя, в этом штате всего два научных работника А. М. Аболин и А. Я. Верле, которые заняты главным образом инвентаризацией и предварительным описанием экспонатов. Углубленной научной работы в Музее не ведется, а ее можно было бы вести. В некотором отношении изучение материальной культуры по материалам Музея может дать большие результаты, чем так называемая полевая работа. Строительные, в особенности сложные, объекты трудно измерять и зарисовывать в натуре — там, где они стоят в готовом виде. Не всегда удается обнажить хотя бы частично скелет здания, чтобы увидеть его структуру; зарисовки деталей

¹ Janis Jaunsems. Brivdabas muzejs, Riga, 1941.

поэтому часто связаны с мысленной (но не фактической) расшивкой объекта и не могут быть точными. Иное дело — подготовка объекта к переносу, транспортировке на территорию Музея; строение обнажается систематически от обшивки, накатов, накладок, оголяется скелет. Каждую часть его, каждую деталь можно при этом измерить, зарисовать, сфотографировать (и это необходимо делать для того, чтобы позже восстановить здание в его прежнем виде на территории Музея). Последовательно высвобождается каркас, изолируется печь, вскрывается подполье, разбирается кладка фундамента. Обратный процесс монтировки объекта в Музее снова дает возможность повторить или уточнить фиксацию деталей. Такой возможности в полевых условиях, конечно, нет.

Группирование на территории Музея строительных объектов, привезенных из различных районов, дает возможность производить наглядные сравнения этих объектов. Гораздо легче подметить при этом черты сходства или, наоборот, выявить отличительные особенности разных типов. Уже по экспонатам Бривдабас музея, имеющимся в настоящее время, можно судить о наличии единства в латышской материальной культуре и в то же время о взаимодействии этой национальной культуры с культурой народов-соседей. Проблема этногенеза латышей, не разрешенная до сих пор, станет яснее, если собранный в Музее материал будет научно обработан, а программа дальнейшего расширения Музея будет разработана этнографами и историками. Но и то, что собрано, очень значительно и научно ценно. Бривдабас музей не имеет щупальцев на периферии, у него нет научного аппарата, и он пока еще не является научным центром. Но подобный музей может и должен быть научным центром — в этом его назначение. Норвежский Фолькемусеум, шведский Скансен — это стационары крупных этнографических институтов. Они ведут научно-исследовательскую работу, организуют экспедиции, конференции, съезды, издают свои труды. Так должны быть организованы и наши, советские, этнографические музеи на открытом воздухе — они должны быть стационарами институтов этнографии Академии наук.

По примеру Бривдабас музея — первого и пока единственного этнографического музея на открытом воздухе в Советском Союзе — Эстонская ССР создает свой музей такого же типа. Остается пожелать, чтобы и другие республики заинтересовались этим делом. Но в особенности назрела такая необходимость для научного центра СССР — Москвы. Богатейшая и разнообразнейшая материальная культура народов СССР может быть представлена наиболее полно именно в музее такого типа. В Москве существует научный центр, который мог бы обеспечить развитие этого дела, надлежащую постановку исследовательской работы в стационаре, — это Институт этнографии Академии Наук СССР. Город Москва, столица Советской страны, увеличит свою красоту, создав на одной из окраин музей-парк, а входящие в СССР советские республики будут, несомненно, соревноваться в том, чтобы выделить для такого музея наиболее ценные в научном отношении объекты.

П. И. Кушнер

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ ПО ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРУ В ПОЛЬШЕ¹

До войны научные исследования в области этнографии и фольклора в Польше вели главным образом университеты и научные общества. Война и оккупация почти бесследно уничтожили эту фазу. Правда, во время оккупации велось обучение в тайных университетах Варшавы и Кракова, некоторые научные работники собирали документы; тем не менее не приходится даже говорить о каких-либо серьезных результатах в изучении этнографии в тот период. Война и оккупация в Польше, особенно последняя, лишили этнографов их места работы, лишили их на протяжении долгих лет возможности пользоваться публичными библиотеками и музеями, нередко до крайности ограничивая доступ к частным книгохранилищам. Значительно поредели ряды научных работников. Если прибавить к тому же полное опустошение научных кабинетов, уничтожение музейных экспонатов, карточек, архивов и рукописей, — то перед нами встанет мрачная картина разрушения и опустошений. Эта разруха, конечно, повлияла на работу польских этнографов и в период восстановления государства и польской науки.

¹ Публикуя полученную от Славянского комитета СССР статью профессора Варшавского Университета В. Дыновского, редакция выражает надежду на то, что представители этнографической науки других братских славянских народов поделятся с советскими учеными на страницах «Советской этнографии» информацией о своих работах.